

Главная тема

Русский курьер. — 2004. — 15 июля. — с. Т16-Т17

«Играть старух не страшно, хотя быть старой не хочется...»

— Клара Борисовна, вы обмолвились, что на улице вам зачастую прохода не дают. Не такие вот случайные знакомые становятся прообразом ваших героинь? Наверняка ведь они пытаются рассказывать вам свои смешные истории.

— Еще как пытаются! И рассказывают, и пишут. Мне приходит огромное количество таких писем: «со мной произошла история, мне кажется, что это вам будет интересно», «расскажите мой случай со сцены». Только, понимаете, эти случаи, возможно, и были забавны, если знать их участников лично, а без этого я не смогу передать со сцены весь комизм ситуации.

— Судя по всему, вы очень серьезно подходите к выбору своих монологов.

— И выбираю тщательно, и работаю над ними тяжело. Когда я была совсем юной, это мне давалось легко. Мне казалось: ах, провал так провал. Сейчас уже стала бояться этого.

— Вы боитесь, что зритель не будет смеяться?

— Во всяком случае думаю об этом, и мне очень не хотелось бы, чтобы люди не смеялись. Хотя есть монологи, где есть над чем задуматься, задержать внимание. Мне нравится, когда в монологе есть и то, и другое: можно задуматься, посмеяться, почувствовать, пожалеть. Хотя у зрителей желание смеяться выбивает все остальные эмоции.

— Тексты Михаила Жванецкого, руководителя Театра миниатюр, в котором вы работаете, полны горькой иронии. Близко ли вам это?

— Жванецкий — это уже не просто эстрадная звезда, это планета. Он автор своих текстов и видит мир немного по-другому. Поэтому мы удивляемся: вроде чувствуем то же, что и он, но выразить это словами, написать так не можем.

— А вы не пробовали для себя писать?

— Просто сесть и писать — нет, потому что я не зачи-

ваю монологи, а разговариваю со сцены. Все мои концерты — это импровизации. Когда я пытаюсь что-то написать для себя, то получается придуманно, вычурно.

— Нужен ли сильный характер, чтобы владеть эмоциями зала?

— Конечно, должен быть характер, умение завоевать зрительный зал. Я не знаю, как это происходит, не пробовала исследовать это биологически. Мне кажется, что отношения артист — зритель можно разложить на какие-то формулы. Идет ведь мощный энергетический обмен. Люди приходят с работы со своими проблемами, и нужно каждого понять и всем объединиться в этом понятии. Сцена, как зеркало, которое объединяет людей.

— Вы много лет выходите на сцену. Наверное, для вас этот энергетический обмен уже просто психологически необходим.

— Безусловно. Я не могу жить без сцены. Хотя нельзя так говорить. В общих кон-

Женщина и на сцене остается женщиной. Ей хочется пококетничать, понравиться, но вместе с тем обустроить свое пространство, как свой дом. Я, конечно, могу говорить только о себе, может быть, у других женщин все по-другому. Мне в своих сольных концертах хочется создать некий дом, большой стол с вкусной едой. Зрители же пришли ко мне в гости, и я их потчую. Я как хозяйка готовлю, обустраиваю, красиво одеваюсь.

цертах каждый работает за себя, а в своем сольном концерте мне комфортнее всего. Я знаю, что делаю, чего хочу.

— Существует ли, по-вашему, разделение между женским и мужским эстрадным юмором? Мне кажется, что мужской юмор более пошлый.

— Я не могу сказать, что он пошлый. Вспомните того же Жванецкого. Говоря о юморе, я же не имею в виду программу «Окна», хотя считаю, что Дмитрий Нагиев ведет ее прекрасно. У меня был период, когда я мужские монологи переделывала в женские. И приходилось переписывать не только окончания глаголов. Мы же чувствуем все не так, как мужчины, оцениваем по-другому. Может, правду говорят, что женщины — существа с другой планеты. Женщина и на сцене остается женщиной. Ей хочется пококетничать, понравиться, но вместе с тем обустроить свое пространство, как свой дом. Я, конечно, могу говорить только о себе, может быть, у других женщин все по-другому. Мне в своих сольных концертах хочется создать некий дом, большой стол с вкусной едой. Зрители же пришли ко мне в гости, и я их потчую. Я как хозяйка готовлю, обустраиваю, красиво одеваюсь.

— Ближайший ваш сборный концерт, который состоится 21 июля в Лимассоле, называется «С «Аншлагом» на Кипр!». С вами вместе будут выступать уже зарекомендовавшие себя, но все же менее

опытные артистки Елена Воробей и Светлана Рожкова. Какие у вас отношения с коллегами по сцене? Вы помогаете друг другу? Конечно, они вам могут помочь в меньшей степени.

— Ну почему же? Они тоже могут мне что-либо подсказать. Для меня это не зазорно. Я училась профессии в такое время, когда не стыдно было подойти к коллеге и сказать: у меня не получается, давайте посмотрим вместе. Я, конечно, тоже могу подойти и предложить свою помощь. Меня, естественно, могут послушать и сделать по-своему. Это очень благодарное дело — давать советы. Надо подождать, когда ко мне подойдут и попросят: помогите, и я с удовольствием помогу.

— Мне кажется, что молодая женская эстрада во многом построена на подражании.

— Так они мне же и подражают! Есть, конечно, кто ходит и своими путями. Но многие пользуются уже наработанным. Может, девушки потом найдут свою дорогу, ведь каждый должен найти свой путь. Когда мне говорит какая-то актриса: «А что мне теперь, не делать этот образ? Почему ты считаешь, что это ты первая его придумала?» Я считаю, что до меня были актрисы на эстраде, которые не меняли амплуа, а работали в определенном образе. Например, замечательная Мария Миронова, которая всегда играла крепкую женщину с волевым характером. Я же

привела с собой на эстраду очень много женских персонажей. И они настолько прижились, пошли в народ, что теперь всем кажется, что они давно там были. Я впервые сыграла колоритную украинскую женщину, впервые сыграла актрис, старушек, тетю Соню, рефлексирующих девушек. Они пришли в эстрадный мир со мной. Поэтому я бы хотела, что молодые артистки разговорного жанра не копировали меня, а искали себя. Я к ним очень хорошо отношусь. Но ведь есть еще такая вещь, как телевидение. Каналы сами выбирают, кого тиражировать. Им все время нужны новые имена. Но при этом хорошо бы, чтобы и старые имена не забывались. Это очень непростая история взаимоотношений. Вот, например, с коллегами-мужчинами я почти со всеми дружу.

— Есть ли на эстраде ревность между мужчинами и женщинами?

— Не думаю. Эстрада — это такое замечательное место. На сцене есть место всему, что востребовано. У каждого своя ниша, свое место, и нам не бывает тесно. Главная задача — чтобы зрителям было интересно.

— И все же, похоже, кое-кто не прочь подзаработать на вашем имени.

— Это часть профессии артиста. Ну что с этим поделаешь? Это то, что называется «промоушн», или по-русски «реклама». Интерес к себе надо поддерживать. Но всем этим должны занимать-

ся продюсеры или сами артисты с талантом продюсера.

— А у вас есть такой талант?

— К большому сожалению, нет. Очень бы хотелось. Я могу часами, днями, сутками заниматься профессией, но я не умею себя продюсировать, проталкивать, продвигать, рекламировать. Не умею! И по-хорошему завидую тем, кто обладает этим даром, потому что мне кажется, что это тоже часть актерской профессии, особенно в шоу-бизнесе, особенно в эстраде. К тому же за моим именем стоит команда — директор, костюмер, звукорежиссер, продюсер, водитель, координатор. Целый комбинат. Я остановлюсь — и они останутся без работы.

— Вы долгое время были ведущей женского ток-шоу «Что хочет женщина».

— Для меня это была возможность попробовать себя еще в одной ипостаси. Я поработала там, захотелось двигаться дальше. Я все время пытаюсь что-то изменить, работаю над собой.

— Как вы себя чувствовали в рамках женского ток-шоу?

— Очень хорошо себя чувствовала. Я была там собой. Я вообще считаю, что у женского ток-шоу большие возможности. Но сейчас оно застряло на одних и тех же темах. Ему нужно найти новый стержень, выйти на новый виток. Сейчас я готовлю один проект, пока не хочу о нем подробно говорить. Как только скажешь, все не получается. Не знаю, что из этого выйдет, но мне кажется, что я нащупала нечто новое.

— Не боитесь выглядеть на сцене некрасивой?

— Не боюсь, ведь это не я такая некрасивая, а моя героиня. Значит, красота этой женщины в чем-то другом, не во внешности. Вот тетя Соня некрасивая, большая, толстая, с животом, старая женщина. Жизнь на ней хорошо очень расписалась. Ее красота — в мудрости, в щедрости, в широте души.

— Но неужели вам не страшно играть старость, которую большинство женщин панически боятся?

— Вы знаете, быть старой не очень хочется, а играть ее не страшно. У меня было много образов старушек. Мне говорят: «Для чего же тебе это нужно? Вот будешь старой, тогда...» А я отвечаю: «Когда я буду старой, мне уже не надо будет играть. Пока я еще могу играть старушек, дурачиться в них, это и есть творчество». А когда ты стар, то творчеству уже и места мало, остается опыт человека.

— С кого же вы списываете свои многочисленные образы?

— Что-то сама придумываю, что-то подмечаю. Например, я первая придумала играть актрис: эксцентричных, лирических, старых, заброшенных. Когда я играла старую, одинокую актрису, у которой много проблем, то имела в виду Фаину Раневскую. А другой мой персонаж — экзальтированная актриса, которой якобы надоело пляжи, но которая на самом деле никогда не была на море, — это некая героиня Елены Воробей.

— При живом общении с вами видно, насколько вы непохожи на своих эксцентричных, сильных героинь.

— Я действительно другая. Сцена требует жесткости. Чтобы понять артиста, надо обязательно сходить на его живой концерт.

— Через несколько дней вам предстоит вместе с «Аншлагом» очередное выступление перед огромной аудиторией — нашими согражданами, живущими на Кипре. Были ли вы раньше на этом острове?

— Однажды была, и мне там очень понравилось. Хотя, честно говоря, мои впечатления о странах, в которых я бываю с концертами, немножко смазаны. Хотя я всегда, когда приезжаю в какой-нибудь очередной город, прошу мне показать его. С удо-

вольствием хожу на экскурсии. Я ведь не наблюдатель жизни, а ее активный участник.

— С таким огромным гастрольным прошлым остались ли еще в мире какие-нибудь запредельные уголки, где вы не бывали?

— Ну конечно, остались. Или вы думаете, что жизнь закончена, и мне больше ездить некуда? Я еще так многого не видела. Очень хочется поехать в тур по Италии, по Англии. Я ведь везде была наскоками, а хочется пожить в стране, почувствовать ее.

— Судя по всему, пляжный отдых вас не устраивает.

— Я его ненавижу. Очень люблю смотреть на море, гулять по берегу и плавать, когда никого нет, потому что все начинают глазеть: «ой», «ай». Я так не могу. Очень люблю отдыхать и купаться в Юрмале. Там потрясающе красивые закаты. Солнце медленно закатывается за горизонт. А в Израиле, наоборот, — падает мгновенно, едва успеваешь заметить. Вообще я люблю отдыхать по-разному. Иногда хочется сесть, свернуться калачиком и никого не видеть. А потом умчаться туда, где много людей. Но главное, чтобы я могла поехать туда, куда мне хотелось бы поехать, и чтобы меня никто не спрашивал, зачем я туда еду.

Валерия ВАЛЬЦОВА

Организаторы и участники проекта «С «Аншлагом» на Кипр!» благодарят за поддержку и содействие Генеральных Партнеров — Кипрскую организацию по туризму и компанию «Аэрофлот — Российские авиалинии», а также VIP-Отель проекта — Hawaii Grand Hotel.